

КАЛМЫЦКАЯ КОМИССИЯ

Гибель народу грозит от безумия собственных граждан.

Солон

Дерево, которое слишком часто пересаживают, не в состоянии пустить корни.

Фернандо де Рохас

Калмыки поселились в низовьях Волги в первой половине XVII века, переместившись сюда из Средней Азии. С самого начала устанавливаются довольно сложные отношения их с местной русской администрацией, а также с проживавшими здесь татарами российского подданства. На словах калмыки признавали суверенитет России, поскольку испрашивали разрешения для поселения на русской территории. Фактически же они пользовались автономией не только во внутренних делах — внутренние дела инородцев в XVII веке мало интересовали администрацию, — но и в сношениях с другими тюрко-монгольскими племенами и народностями, а также с Персией и Турцией.

На первых порах наибольшее беспокойство русской администрации причиняло взаимоотношение калмыков и татар, вернее, стремление калмыков вообще изгнать местное татарское население. Татары были вынуждены покинуть многие места своих прежних поселений и расположиться поближе к русским гарнизонам. Но у гарнизонов обычно не хватало сил и для того, чтобы защитить самих себя. Поэтому татарам приходилось договариваться с калмыцкими вождями самостоятельно. Таким же образом поступали и казаки. Что же касается поволжских русских поселений, то их положение было, может быть, и самым худшим, поскольку в отличие от татар и казаков они не имели собственных вооруженных подразделений на случай внезапного набега калмыков. Надеяться же на столичных воевод особенно не приходилось. В свое время [266] сподвижник Лжедмитрия II казачий атаман Заруцкий высказал ходячую мысль, которую теперь буквально повторил один из калмыцких вождей, Дондук-Омбо: «От русских опасаться нечего; собираются они по три года, а как пойдут, то стоят на одном месте по три месяца».

Калмыцкие вожди не отличались особым постоянством и не слишком ценили свои обещания и договоры с русским начальством. Но и представители власти не проявляли ни надежности, ни последовательности в своих действиях. Общая установка русского правительства по отношению к кочевникам — поощрение их оседания на землю. Тем, кто принимал православие, следовали значительные пожалования. Но таких было мало, у калмыков еще сохранялся родо-племенной строй с выделившейся феодальной знатью, и в рамках этих замкнутых этнических образований трудно было сосуществовать разным верованиям (религией калмыков был ламизм — разновидность буддизма). В XVIII веке между разными калмыцкими улусами усилились раздоры, в результате которых погибали целые роды. Это обстоятельство способствовало отходу отдельных феодалов от традиций, поддерживаемых ханской властью. Недовольные часто ищут помощи у русских воевод.

Татищеву впервые пришлось столкнуться с калмыками еще в 1738 году, когда те участвовали в подавлении мятежа башкирских феодалов. Кроме того, Татищев должен был тогда подыскать место для поселения крещеных калмыков во главе с княгиней Тайшиной, супругой ранее крестившегося выходца из ханского рода Петра Тайшина.

С княгиней Тайшиной была связана значительная группа крещеных калмыков: 2400 человек. Поскольку часть их уже оседала на землю, а другая продолжала кочевать, было решено подыскать им место для поселения па стыке степи и лесостепи. Такое

место было найдено в Поволжье выше Самары. Здесь заложили город, который Татищев хотел символически назвать «Просвещение». Предложение это, однако, не прошло, и город назвали Ставрополем.

Княгиня Тайшина осталась чрезвычайно довольна и избранным местом, и предусмотрительностью Татищева и изъявила желание отблагодарить его, предложив «нечто от скотов, яко быков, коров калмыцких и верблюдов». Это был как раз тот случай, когда Татищев мог себе позволить принять что-то за «сверхурочные». Но он отказался, [267] заявив княгине, что, напротив, он «рад бы сам от своего убогим калмыкам вспомочь». Татищев имел в виду в данном случае калмыцкую бедноту, составляющую до четырехсот кибиток. В донесении же в Петербург он откровенно признается, что «тем отрекся принять, что их в Самару сослать не с кем».

Одна из просьб Анны Тайшиной — и в этом ее поддерживал Татищев — заключалась в выполнении правительственного обещания дать ей села с крестьянами. Устройство крещеных инородцев вообще было для казны делом нелёгким. Анне Тайшиной с ее калмыками в Москве было выделено около десяти тысяч рублей, не считая постройки города-крепости. Самой ей было положено жалованье — пятьсот рублей. Денежное жалованье получали также командные чины калмыков, организованных по типу казачества. Остальные должны были нести службу за земельные наделы. Но у многих калмыков не было лошадей и каких-либо средств на обзаведение оседлым хозяйством. Поэтому стоял вопрос о выделении безлошадным по одной лошади и снабжении их семенами за счет казны. Предполагалось также поселить между калмыцкими становищами русских крестьян, чтобы опытные земледельцы обучили калмыков своим навыкам и секретам. Поддерживая ходатайство Тайшиной о выделении ей сел, Татищев полагал, что замена денежного жалованья селами будет способствовать оседанию на земле и калмыцких феодалов.

Обострение противоречий между последними побудило правительство вспомнить о Татищеве именно потому, что он ранее проявил гибкость и умение улаживать сложные вопросы. К его достоинствам в данном случае можно было отнести и то, что в других случаях вызывало подозрение у ревностных служителей православия: его широкую веротерпимость. Татищев спокойно мог вести дела не только с крещеными калмыками, но и с их некрещеными сородичами.

Дела в низовьях Волги не терпели отлагательства. Положение обострялось с каждым днем. Правительство Анны Леопольдовны 29 июля запросило следственную комиссию: «Какие до онаго Татищева дела имеются и все ль исследованы», а через два дня, несмотря на невразумительный ответ комиссии и повторение требования о лишении его всех чинов, Татищеву указали срочно выезжать в Астрахань. [268]

Положение его оказалось двусмысленным. Он понимал, конечно, что успешное выполнение поручения может повысить его вес в придворных кругах. Но для того чтобы такого рода поручение можно было выполнить, необходимо иметь полное доверие со стороны того же двора. И не только доверие: вряд ли кто-нибудь и из обвинителей Татищева сомневался в его личной порядочности и верности государству. Нужны были полномочия. А вот их-то как раз и не давали.

В годы Оренбургской экспедиции Татищев уже проявил себя хорошим дипломатом в отношениях с казахскими ханами. Но такую роль он мог исполнять, лишь будучи облеченным полным доверием Сената и коллегий. Дело в том, что искусство дипломатии в данном случае состояло прежде всего в умении преподнести ценные подарки, устроить пышную встречу и т.п. Все это делать Татищев умел. Но пышный прием требует столь же пышных расходов. Обычно такие расходы считаются естественными и просто оплачиваются Коллегией иностранных дел. При сложившихся же условиях Татищев не мог быть уверенным в том, что в коллегиях отнесутся с пониманием к его расходам. Во время шведской поездки он оказался поставленным в неловкое положение тем, что аналогичные расходы ему никто не хотел оплачивать. И совсем недавно его

заставили оплачивать из личных средств казенные расходы. Более того, именно эти важные для дела расходы явились уликой, как бы очерняющей Татищева в глазах его современников и потомков. Царям проще. С них обычно не спрашивают, с толком или без толку израсходовали они народные средства. Другое дело - администратор среднего ранга. Если он в фаворе, ему спишутся любые просчеты и обсчеты. Напротив, опальному припишут все злоупотребления, совершающиеся за его спиной (и даже против него самого), и во зло обратят самые благие начинания. Все это Татищеву было хорошо знакомо. Все это с ним не раз случалось.

Трудности начались с первых дней назначения. Татищев готовился всесторонне к любой очередной работе. В данном случае ему необходимо было основательно ознакомиться с предысторией калмыцких тяжб. Однако Коллегия иностранных дел, ведавшая всеми инородцами, не выдавала требуемые дела. С коллегией необходимо было разрешить и еще ряд вопросов, поскольку именно в ее распоряжение поступал теперь Татищев. Наконец, [269] 10 августа по указу коллегии багаж Татищева на ямских подводах отправился по месту назначения. В состав багажа входил и крайне важный спутник дипломатии (в особенности на Востоке) — подарки. Здесь были сукна, соболи, серебро, меха, кирпичный чай. На расходы Татищев получил тысячу рублей и столько же на экипаж и проезд до Царицына. 13 августа его снова торопили ехать в Царицын. Но он еще отработывал детали: на следующий день он должен был получить в Москве в Конюшенном приказе разрешение захватить с собой шатер для приема калмыцких вождей.

Настоятельно просит Татищев также, чтобы ему разрешили взять с собой врача с медикаментами или же разрешили бы в случае надобности вызывать врача из Самары, где он, видимо, и ранее пользовался услугами доктора Грифа. Татищев прямо говорил, что врач нужен прежде всего ему самому: «Понеже человек скорбный, и часто бываю тяжело болен, того ради без доктора и медикаментов мне быть не можно».

Рассуждениями о разнице между лихоимством и мздоимством Татищев создал себе репутацию отчасти уже у современников, а главным образом — у потомков, человека, умеющего «делать деньги». На самом деле он не имел ни больших побочных доходов, ни сколько-нибудь соответствующих его рангу поступлений с деревень. Теперь он настаивает и на том, чтобы был решен вопрос с его жалованьем. В челобитной от 9 августа он сообщает, что более двух лет не получал жалованья, «отчего претерпевал великую скудость и одолжал». А расходы тоже были обусловлены чином. Так, по высочайшему указу он должен был сейчас же строить дом на Васильевском острове, хотя, судя по всему, Петербург вовсе не прельщал Татищева. К тому же незадолго до назначения в Калмыцкую комиссию, 22 июля, сбежал его крепостной Венедикт Григорьев, которому было поручено вести это строительство, сбежал со всей отпущенной Татищевым на строительство суммой. Естественно, больших расходов требовали неустанные научные занятия: покупка книг, переписка рукописей и т.п.

Неопределенным оставалось положение и после назначения его в Калмыцкую комиссию. О жалованье в указе не было ни слова. Татищев просит, чтобы ему положили тот же оклад, что и ранее в Оренбургской комиссии.

В тот день, когда коллегия снова торопила с отъездом [270] в Царицын, Татищев обратился с донесением в Кабинет, настаивая на скорейшем составлении инструкции и включении в нее ряда дел. В Екатеринбурге и Самаре, как уже говорилось, Татищев вводил коллегиальное обсуждение всех дел, чтобы пробудить у подчиненных деловую активность и ответственность. Но после того, как во время следствия решения его «генеральных советов» были оспорены петербургскими властями, «советники» отказались от своих подписей, сославшись на то, что они «якобы за страх подписывались и спорить не смели». «Ныне же, - беспокоится Татищев, - равномерно таких коварств нужно мне предостеречься». Он просит внести в инструкцию положение, «дабы те, которые в совет призваны будут, без всякого страха

мнение их объявили, и естли по большим голосам против чьего мнения определится, то повинен он свое в протокол особно записать, а естли то упустит и после порицать будет, чтоб мне в вину не причлось».

Отмеченная просьба имела немаловажное значение, поскольку речь шла о попытке утверждения, пусть и в одном ведомстве, порядка обсуждения вопросов, несвойственного самодержавно-бюрократической государственной машине, хотя он предусматривался еще регламентом работы коллегий. К этому порядку не могли приспособиться ни внизу, ни вверху. Татищеву одному вменяют в вину то, что принималось коллегиальным решением, и е этим общим мнением никто не хотел считаться. И дело здесь, конечно, не в том, что Татищев стремился снять с себя часть ответственности. Он ответственности, в общем-то, не боялся, хотя имел не раз случай убедиться в том, что за любое самостоятельно выполненное дело, может статься, придется нести наказание. В данном же случае для него важнее было другое: иметь около себя помощников, хоть на что-то способных.

Предусмотрительность Татищева после столь жестоко и злобно наказанного усердия распространялась на всевозможные мелочи, которые ранее он самостоятельно устранял не задумываясь. Хотя на многочисленные приемы ему и отпускались средства, но он не был свободен в их использовании. Выделенная сумма, например, не предусматривала оплату поваров, столовой посуды и т. п. А Татищев уточняет: когда участники переговоров «подчиваны будут, потребно ли при том быть музыке и откуда»? [271]

Коллегия никак не хотела брать на себя расходы по медицинскому обслуживанию. Татищев согласен закупить на свой счет потребные для него самого лекарства в Москве. Но его беспокоит, откуда брать лекарства «для людей разного звания», которые будут его сопровождать по делу.

Беспокоит его и судьба разысканий, которым он отдал уже двадцать один год: история и география России. В свое время он добился разрешения на отправку во многие провинции геодезистов для проведения измерительных работ, а также специальных служащих «в архивах искать древних писем по 711 (то есть по 1711) год, а особливо указы и письма от главных начальников, також переписок и договоров с иностранными, приемы послов и тому подобные». После устранения Татищева с поста начальника Оренбургской экспедиции все эти служащие остались не у дел и не у жалованья. Татищев пользуется случаем попросить за них, а заодно испрашивает разрешения направить с ним одного геодезиста и «от Академии наук ученика живописного» из числа тех, кого специально посылали на обучение из Оренбургской экспедиции. «Я посылаюсь в такие места, — пояснял он высоким, но не слишком сведущим кабинет-министрам, — где немало разоренных городов, також идолов и камней с подписями находится».

Татищеву так и не удалось до отъезда разрешить большинства беспокоивших его вопросов. Его полномочия оставались неопределенными. Неясно было, в каких взаимоотношениях окажется он с генерал-поручиком Таракановым, в ведении которого находились расположенные в низовьях Волги полки. Хотя Татищев как будто отправлялся в экспедицию в своем прежнем чине, на самом деле этот чин он не получил. В свое время на Урале он был в чине генерал-майора, а в Оренбургской комиссии в чине генерал-поручика с полным военным жалованьем. Теперь же ему хотя и оставили чин генерал-поручика, но положили лишь половинное «штатское» жалованье. Тараканова Татищев превосходил и по «стажу» пребывания в генерал-поручиках, что по обычаям того времени должно было давать ему преимущество. Но вопрос этот также не был разрешен, и Татищев держал себя по отношению к Тараканову сдержанно, чего нельзя было оказать про Тараканова.

Из Петербурга Татищев выехал 17 августа, отправив [272] еще ряд челобитных в разные инстанции, в том числе и сугубо личную просьбу: перевести сына Евграфу из

пермского драгунского полка на службу в низовья Волги. Как обычно, критический взгляд Татищева не пропускает встречающиеся на пути неисправности. Так, 21 августа он из Новгорода пишет князю Никите Юрьевичу Трубецкому о недобросовестности строителей, прокладывающих «перспективную дорогу» от Петербурга до Москвы: нерасчетливо сделаны каналы, недоброкачественно выполнены мосты. «Я бы мог, — замечает Татищев, — о сем пространнее вам донести, как с мелким расходом денег, а с большею прочностью сделать скорее, токмо времени мне недостает». Из разговора с бурлаками он узнает, что их обирают подрядчики. Допуская, что бурлаки могут и наговорить лишнего, он все-таки просит проверить их жалобу.

Из Москвы Татищев отъехал сухим путем на Нижний, так и не добившись решения многих важных для дела и для него самого вопросов. Поскольку жалование за прошлые годы ему так и не уплатили, он, «не смея далее медлить, заняв потребное число денег и многих нужных вещей не дождався, отъехал». Казной комиссии по поручению Татищева ведал сенатский канцелярист Стефан Нестеров, и к этим средствам непосредственного доступа Татищев не имел. Кое-что сверх официально разрешенного ему все-таки удалось сделать. Так, получив разрешение взять из Москвы лекаря, он уговорил медицинскую канцелярию придать к нему еще ученика.

В Нижний Новгород Татищев прибыл 8 сентября. Здесь было приобретено три легких судна, для которых наняли экипаж, и 12 сентября экспедиция двинулась вниз по Волге. «Поспешность» движения должна была обеспечиваться сменными командами казаков и кормщиков. Воеводы получили соответствующие инструкции. Но распорядительность никогда не была сильной стороной российской администрации, в городке Дубовке произошла заминка: смена не была подготовлена, а атаманский сын Степан Персидский небрежно заметил прибывшему к нему от Татищева прапорщику: «Лучше вашего советника ждуть». Заявление тоже достаточно обыденное.

Татищев, оказавшись без команды, ограничился наймом рыбака-кормчего и двинулся дальше. Но он потребовал от царицынского воеводы, полковника Кольцова, «о сыску и наказании дубовского атаманского сына». [273] Нарушений «чести» Татищев не терпел. Еще более не терпел он нарушений инструкции, когда это могло сказаться на итогах дела. Через несколько дней сын и отец Персидские просили Татищева о прощении, свалив на пьяного дьяка войсковой канцелярии «противные слова». Татищев простил и уведомил об этом полковника. Однако дьяк понес наказание.

6 октября по прибытии в Царицын Татищев созывает на совет полковника Кольцова и генерал-поручика Тараканова. Тараканов, раздраженный предприимчивостью Татищева, вел себя вызывающе, стремился уличить Татищева в невежестве, оспаривал все его предложения, а главное — дал понять, что на подчиненные ему войска Татищев не может рассчитывать. Опасаясь новых обвинений в злоупотреблениях, Татищев пишет письма Остерману и Головкину. Он просит ускорить высылку инструкции и сообщает о возникших препирательствах. Хотя резоны Тараканова против татищевских «несильны», Татищев, «избегая злобы», «без упрямства» воздерживается от исполнения своего плана, особо уведомив об этом Кабинет.

11 октября наконец была получена инструкция. Но субординации Татищева и Тараканова она не разрешала. Поэтому Татищев просит дать разъяснение по этому поводу. Он, со своей стороны, «готов быть в должности генерал-майора, токмо б повеленное с пользою исполнилось». 15 октября Татищев сообщает, что Тараканов наотрез отказался дать полки для Калмыцкой комиссии. Правительство же показывало свою беспомощность или безразличие тем, что готово было отдать в распоряжение

Татищева полки Оренбургской комиссии, расположенные далеко от театра разыгравшихся действий.

Между тем в самих калмыцких улусах положение принимало угрожающий характер. Сеятелем смуты явилась ханша Джана, вдова давнего и упорного противника России Дондук-Омбо. Ее нойоны грабили улусы несогласных с ней калмыков, захватывали многих из них и продавали в рабство местным татарам, а также на Кубань. Татищев выражал опасение, что в итоге «весь калмыцкий народ вскоре исчезнуть может». Он предложил запретить покупку продаваемых в рабство калмыков «татаром и прочим», а выкупить их казной, через посредство русских купцов, с тем чтобы потом подготовить из них военных служилых людей. [274]

На юго-восточных рубежах Астраханского края находились кочевья туркмен. Не желая попасть под власть персидского правителя Надир-шаха, значительная часть их готова была принять русское подданство. Правительство, однако, не принимало никакого решения. Татищев пытался ускорить таковое. Он предлагал «весьма бы о них постараться, чтоб сколько-нибудь призвав в удобном месте на Яике или близь Астрахани поселить; для приласкания других, довольную им милость и защищение учинить, да либо прочие о том, уведав, к ним будут присовокупляться, и может кайсацких набегов не малая защита, а от промыслов их доход государству быть». Правительство же по-прежнему не отзывалось на эти доводы.

Не мог равнодушно наблюдать Татищев и за тем, как разваливалась местная экономика. Поэтому он «дерзает» доносить о делах, «не принадлежащих» до него. Его удручает очевидное бездействие построенного на средства казны селитряного завода, хотя «селитры великое число в год выварить можно». Беспокоит его и упадок рыбного дела в Ахтубе, и положение симбирского купечества, оштрафованного властями. В результате «от разорения оно более убытка чинится, нежели положенной на них штраф». Находясь сам в опале, он решается просить за «беспомощных» ссыльных, находящихся в Самаре по делу давних недругов Татищева князей Долгоруких.

Решение основной задачи оказалось делом весьма нелегким. Калмыцкие владельцы с восторгом принимали подарки, охотно пили горячую водку и виноградное вино «за успокоение калмыцкого народа», услаждались диковинной для них музыкой. Но едва не каждый день все приходилось начинать сначала. Снова уверения в верности, в желании принести «успокоение калмыцкому народу», взаимные подарки (Татищеву, в частности, приводили мальчиков и девочек восьми-двенадцати лет), и снова возвращение к тому, с чего начали. Главное затруднение доставляло поведение ханши Джаны. Она долго уклонялась от встречи с Татищевым, хотя он готов был сам явиться к ней: Наконец она изъявила согласие мириться при условии, что ее выдадут замуж за предполагаемого наместника ханства Дондук-Дашу.

Такой поворот дела, по-видимому, был для Татищева неожиданным. Между тем доверенный ханши Нима-Гелюнг в разговоре с Татищевым поведал, что ханша [275] считала возможным разрешение всех споров, если бы Дондук-Даша женился сразу на двух вдовах: Джане и Джеджите — вдове Черен-Дондука, бывшего калмыцкого хана. Татищеву разъяснили, что все это вполне в духе калмыцкого закона. Такое решение, однако, не устраивало коллегую. В Петербурге опасались, что и без того не слишком надежный Дондук-Даша окажется под влиянием враждебных России группировок. Вместе с тем там не имели ничего против того, чтобы Джана осуществила свою угрозу — перейти за Яик к киргизкайсакам.

Намерение уйти с Волги не пользовалось популярностью и в стане Джаны. Многие стояли за то, чтобы принять татищевские условия примирения, иные готовы были даже помочь в усмирении ханши военным путем. Но Татищев не располагал необходимой военной силой, и колеблющиеся калмыки не решались порвать с несильной ханшей.

Татищев все-таки решился осуществить провозглашение наместником Дондук-Даши, несмотря на отказ Джаны участвовать в церемонии. Целый день восемьсот калмыцких владетелей пировали по этому случаю. Гости сопровождались пушечной пальбой: двадцать один, тринадцать и семь выстрелов. В пиршестве участвовал и младший сын Джаны. Сама же ханша, получив сведения, якобы сын ее захвачен, и в самом деле решила бежать. Однако и ей самой такое решение, видимо, не нравилось. Поэтому она обратилась к Татищеву с извинениями, ссылаясь на ложные слухи, побудившие ее к бегству.

Некоторое умиротворение как будто наступило. Но оно оказалось крайне непрочным. Дондук-Даша стремился приобрести улусы за счет Джаны и одновременно тайно договаривался с ней за спиной Татищева. Новый наместник то предъявлял несдержанные претензии, то винился перед Татищевым. В свою очередь, Джана, терявшая влияние и сторонников, все чаще обращалась за помощью к Татищеву. Но у него самого недоставало ни сил, ни полномочий немедленно разрешить встававшие вопросы.

В начале декабря Татищев перебрался в Астрахань, поскольку неотложных дел у него в степи уже не было, а главное — не было необходимых средств для приобретения дров и провианта. Он неоднократно униженно жаловался кабинет-министрам на трудное положение и просил выдать ему «другую половину жалованья». «Ибо [276] здесь, — писал он, — что ни имел деньги, издержал, а занять не у кого, в чем имею крайнюю нужду». В Астрахани застало Татищева и известие о перевороте в Петербурге.

25 ноября 1741 года брауншвейгская династия была низведена с престола, и его заняла Елизавета Петровна. Переворот совершался под девизом восстановления попорченного русского достоинства и начинаний Петра Великого. Действительно, пали и были привлечены к ответственности некоторые открытые или скрытые враги Татищева: Головкин, Остерман. Вскрылись грандиозные аферы и финансовые махинации последних лет бироновщины. Но это была вовсе не та «русская партия», которая разрабатывала проекты государственного переустройства в 1730 году. Здесь не было людей ни типа князя Голицына, ни типа Татищева, ни даже типа Артемия Волынского. Новые патриоты не имели ни широты их государственного кругозора, ни их способности к самоотверженности. А главное — вожаки переворота и сами сознавали это. Поэтому они и стремились, чтобы никто из действительных борцов против немецкого засилья и радетелей за дело отечества не оказался ненароком на высоких должностях.

Еще не зная о перевороте, Татищев 29 ноября доносил Остерману об окончании экспедиции и просил вместо «воздаяния» «отпуску на покой». «Воистину, — жаловался он, — я уже и малейшие трудности сносить, по моей старости и слабости, не в состоянии».

Но новое правительство решило иначе. Оно поблагодарило Татищева за его действия в Калмыцкой экспедиции и объявило о назначении его с 15 декабря 1741 года по совместительству астраханским губернатором.

Татищева наконец перестали беспокоить запросами по Оренбургской комиссии. Однако он понимал, что возвращения его в Петербург или Москву правительство не желает. У Елизаветы Петровны было гораздо меньше оснований способствовать возвышению Татищева, чем, скажем, у Анны Ивановны, к которой он хотя бы мог лично обращаться. Да и «патриотка» Елизавета Петровна больше была показная, театральная. Была она по-своему доброй барыней. Но ей было просто скучно всерьез заниматься государственными делами, да еще в духе второго пункта программы Татищева: довольства всех подданных. [277]

27 декабря Татищев привел к присяге новой императрице своих калмыцких подопечных. Со вступлением в должность губернатора он снова обращается с просьбой освободить его от калмыцких дел. Просит также вернуть ему удержанное за

два с половиной года жалованье и возместить ущерб, понесенный во время распродажи и просто разграбления его багажа в Самаре, где находился центр Оренбургской экспедиции.

...Раздоры в стане верхушки калмыцких феодалов между тем продолжались. Джана с группой в сто человек бежала в Кабарду. Против наместника Дондук-Даши поднялся ряд бывших его сторонников, возмущенных его вероломством и хищничеством. Татищев сообщал в Петербург о непристойном поведении наместника и вновь и вновь просил освободить его от калмыцких дел, передать их Тараканову. Однако правительство не хотело удовлетворять эту просьбу. Калмыцкие тяжбы по-прежнему висели на нем, мешая заниматься многочисленными губернскими проблемами.

В калмыцкие дела Татищев втянул и своего сына Ев-графа, получившего при переводе на Нижнюю Волгу чин секунд-майора. Отец отправил сына в Кизляр на переговоры с Джаной, к которой присоединились и другие беглые, включая брата Дондук-Даши Бодонга. При этом оставалось много неясностей о действительных отношениях высочайших родственников (были слухи, что Бодонг бежал по наущению своего брата — наместника).

Деятельность сына весьма беспокоила Татищева, и он постоянно упрекал его за недостаточную полноту сведений о происходящем. Но сейчас и от отца и от сына мало что зависело. Калмыцкие вожаки по-прежнему жаловались друг на друга и друг друга грабили. В Кизляре отряду Евграфа пришлось защищать беглых калмыков от разорявших их подчиненных Дондук-Даши, и эти «верные» престолу калмыки грозили своим соотечественникам: «За вас теперь русские вступились, вперед будете в наших руках». А Петербург теперь ставил непосредственной задачей арест Джаны.

Татищеву-отцу казалось, что сын его медлит. Целый месяц переговаривается с Джаной и ее сыновьями. Ев-граф же объяснял это «ветреным состоянием» «здешних народов». «Ни на каких словах, — сетовал он, — утвердиться и вам за правильно донести не смеем: ибо одно дело в толковании не только на другой день, но в тот же [278] час два или три раза переменят, а хотя то и обличится, в стыд себе лжи не почитают».

Евграфу пришлось провести и настоящий бой с киргизами и татарами, бывшими в числе союзников Джаны. Он сообщает отцу, что едва не оказался жертвой («едва мы не обманулись»), когда киргизы предложили им спешиться якобы для переговоров. На самом деле они уже замыслили нападение на отряд, и Евграф поступил предусмотрительно, оставив своих солдат и терских казаков в конном строю. Бодонга с калмыками он тоже вывел против киргизов, но поставил их в некотором отдалении, опасаясь удара в спину. Исход боя был решен дружными действиями солдат и казаков, которым, кстати, Евграф дает самую высокую оценку. Зато люди Бодонга бросились на обозы бежавших киргизов и разграбили их. «Я с бою, — сообщает отцу Евграф, — себе ничего не взял, хотя мои взяли было несколько скота и лошадей, только я отдавал все солдатам и казакам; а хотелось мне взять двоих робыт, только, если вы государь не повелите, и тех отдам».

Василий Никитич, одобряя служебную деятельность сына, самым суровым образом предостерегает его от получения взяток. В свою очередь, тот обижается за подобное подозрение. «Премилосердный государь батюшка! - пишет он. - Получил милостивое вашего государя моего родителя по прошедшей почте письмо, в котором вы, государь, мне осторожность иметь от взяток приказать изволили. Я, будучи в Кабарде, баранов 10 получил, а собственных моих денег близь сороку рублей им на питье и на стол издержал не для мотовства, ради славы, государь, вашей». Кабардинские князья выводывали у приехавших с Евграфом дворян, чем можно было бы одарить их начальника. Однако Евграф запретил им вести разговоры на эту тему.

В переписке опять-таки во многом проясняется и отношение Татищева к взяткам: подарки брать можно, но собственная щедрость должна превосходить их в стоимостном отношении. Теми же соображениями, как говорилось, руководствовался Татищев и в отношении к казне.

После нескольких месяцев переговоров Джана вместе с Бодонгом согласилась наконец вернуться к Астрахани. Десять дней у Татищева шли пиры и веселие с вернувшимися калмыцкими вождями. Ханша просила [279] жалованья, сетуя на «оскудение» в деньгах и платье. Татищев готов был вернуть ей часть улусов и обеспечить улусами ее сыновей. Наместника это, конечно, не устраивало, и он пытался сорвать переговоры. Ему это, видимо, не удавалось. Зато удалось Бодонгу. Захватив с собой детей ханши и еще 150 человек, он в ночь на 21 июля бежал на Кубань. Правда, вскоре он вернулся и объяснил свой побег противодействием его намерению жениться на Джане. Но затем бежал снова. Дочь Джаны сообщила Татищеву, что побег Бодонга свершился по тайному сговору с ее матерью. Бодонг снова захватил с собой малолетних детей Джаны. В этой обстановке Татищев решился на арест Джаны. Ей был предъявлен длинный перечень вин, часть которых должна была произвести впечатление на калмыцкое население.

«Вины» ханши были более чем предостаточными. Из 70 тысяч кибиток, бывших у калмыков десятилетием раньше, осталось всего 20 тысяч. Сама Джана продала в рабство татарам, кабардинцам, персам и т. д. несколько тысяч калмыков. С точки зрения калмыков, важно было и то, что она «держала закон магометанский, а не верила бурханам калмыцким». Правительство же, еще недавно требовавшее от Татищева ареста Джаны и ее сторонников, теперь не склонно было поддерживать столь решительные меры.

Действия правительства во главе с «великим» и безликим канцлером — все тем же А.М. Черкасским — как будто специально были направлены на то; чтобы все развалить или, по крайней мере, не дать возможности поправить. Татищев не случайно настойчиво просит освободить его от калмыцких тягб: из Петербурга ставят палки в колеса всем его начинаниям. Здесь, в Астраханском крае, Тараканов все делает, чтобы помешать делу, лишь бы досадить Татищеву. Именно покровительствуемый Таракановым полковник Бобарыкин, не гнушавшийся ни поборами с калмыцкого населения, ни прямыми грабежами, был непосредственно повинен в бегстве Бодонга. Царицынский комендант бригадир Кольцов по этому поводу сделал даже Татищеву представление, настаивая на аресте Бобарыкина. Но Татищев не поддержал своего приверженца. Он лучше знал о настроениях в Петербурге. Поэтому и ограничился отстранением Бобарыкина от должности.

Еще при Анне Леопольдовне Тараканов получил из [280] Петербурга выговор за срыв мероприятий Татищева по Калмыцкой комиссии. Теперь он завалил Петербург противоречивыми доносами на Татищева. То обвинял его в излишней активности в решении разных пограничных дел, то, наоборот, в бездействии. И во всех случаях он отказывал Татищеву в выделении войск, особенно же в тех, когда они были особенно необходимы. Татищев, в свою очередь, жаловался в Петербург, настаивая либо на передаче всех калмыцких дел Тараканову, либо на подчинении ему войск Астраханского края. По запросу Сената Коллегия иностранных дел представила длинный список злоупотреблений Тараканова, от которых непосредственно страдали важнейшие государственные дела. Он вносил неразбериху в отношения с Персией. Вопреки указам отказывал Татищеву в воинских отрядах, а в то же время его супругу в Царицыне «охраняли» триста драгунов. Но Сенат ограничился сообщением об этом Военной коллегии. А та, как ни странно, мало считалась с потребностями Коллегии иностранных дел, то есть в конечном счете с внешнеполитическими задачами страны. В результате никто в Петербурге даже не попытался призвать к порядку самодура.

Мало помогали Татищеву из Петербурга и в решении важнейших калмыцких дел. Дондук-Даша ничего не хотел знать, кроме возможности личного обогащения. Татищеву неоднократно приходилось вмешиваться, чтобы сдерживать непомерные аппетиты наместника, тем более что вместе с этими аппетитами росло стремление наместника к самостоятельным внешнеполитическим связям, чем он вносил многочисленные осложнения в деятельность Татищева и Коллегии иностранных дел. Татищев пытался урезонить Дондук-Дашу. Его, в частности, раздражало полное безразличие наместника к судьбам своего народа. «Все вы наместники одинаковы, — говорил Татищев. — Хан Дондук-Омбо получаемую в жалованье муку отдавал колмыцкому народу за великую цену из роста, от чего калмыцкий народ пришел в наивысшее разорение и скудость, чтоб хану чинить не надлежало, и тот его поступок весьма неправилен. У нас же русских шляхетство бедных своих крестьян не только от своих доходов на время увольняет, но своим без заплаты ссужает, а часто и в государственную казну подати за них платит. Вот и ты все себе просишь. А зачем? Следовало бы тебе, как благорассудному владельцу, оставя [281] суеверства, обыкновений поповских не слушать, которым так много имение как жалованное, так и собранное с убогих улусов, на молебны тысячами туне раздаешь; а употребил бы получаемый хлеб на вспоможение бедных для завода скотом».

В отношении русского «шляхетства» Татищев, конечно, пересластил. Он нарисовал ту идеальную картину, которую, как он считал, должны были воплощать все владельцы крестьян. На самом деле нормы эксплуатации крестьянства постоянно росли, и по сравнению с XVII веком в XVIII они были неизмеримо выше, поскольку росли и потребности дворян, и расходы дворянского государства. Но верно и то, что феодалы ряда народностей, входивших в состав России, были еще более хищны по отношению к своим подданным. Татищев искренне сочувствовал калмыцкой бедноте, которую разоряли и прямо продавали в рабство собственные владельцы.

Раздражало Татищева и то, что большая часть поборов уходила на отправление религиозных культов. Как и всюду, «попы» у Татищева оказываются носителями всех пороков. Это они разжигают жадность у владельцев. Они же поглощают и значительную часть средств, тогда как у многих калмыков нет скота и нет возможности его приобрести. Но призыв ограничить духовенство на манер Петра I Дондук-Даша повернул против Татищева.

Наместник отправился в Петербург с просьбами и жалобами. Хотя о «попах» Татищев говорил только наедине с наместником, последний представил это в Петербурге как неуважение Татищева к вере калмыков. И Татищеву было сделано из столицы внушение. Ему советовали «ласкаться» этих самых «попов», чтобы через них «в пользу интересов наших делать».

Добился Дондук-Даша и права непосредственной связи с коллегией. Он использовал это право для очередных личных просьб и жалоб на Татищева. А того по-прежнему от комиссии не освобождали, заставляя «контролировать» деятельность наместника, фактически без права что-нибудь предпринять для улучшения положения. Да его и нельзя было сколько-нибудь существенно улучшить, пока правительство удовлетворялось лишь личной верностью наместника, позволяя ему безнаказанно грабить свой народ.

Должно сказать, что в отношении наместника [282] Татищев проявлял удивительную выдержку, никогда не раздражаясь на его явно непорядочное поведение. Даже получив от Галдан-Норбы — племянника наместника — уведомление, будто Дондук-Даша ожидает развития конфликта России с Персией, дабы решить, к кому примкнуть, Татищев хотя и сообщил об этом в коллегию, но отметил, что сам он в это не верит. Он постоянно подчеркивает, что с наместником его кто-то намеренно ссорит. О наветах, идущих от калмыцких владельцев, ему в целом было известно. О другом

источнике он, видимо, тоже догадывался. Здесь усердствовал Тараканов. Он не гнушался ни ложью, ни поощрением Дондук-Даши на сомнительные действия.

Более года спустя после ареста Джаны, в сентябре 1743 года, в Петербург вдруг последовали жалобы на Татищева со стороны брата Джаны кабардинского владельца Магомета Атажукина, а также от Дондук-Даши с уверениями, будто Татищев во время ареста взял себе ряд ценных вещей, на которые претендовали оба эти лица. Правда, наместник при этом делал оговорки: «как слышно», и что, собственно, Татищев взял, и что вернул Джане, «о том никто не знает». Но коллегия потребовала отчета. Татищеву пришлось выяснить, куда делось пропавшее имущество, причем одно из знамен, указанных в числе похищенных Татищевым, оказалось в самой коллегии. Кстати, тогда же старая ханша Дарма-Бала — враг Дондук-Даши — сообщала, что она пыталась подкупить Татищева, направив ему крупную сумму денег. Но Татищев от денег отказался, сославшись на то, что он «столько не заслужил и принять не для чего».

В письмах Дондук-Даши в Петербург наблюдается одна закономерность: он жалуется на крутой нрав Татищева и глухо намекает на его склонность к взяткам. Смысла последнего слова он даже и не понимал, поскольку обычно речь шла о том, что Татищев не дал ему чего-то из того, что он желал бы получить. Дондук-Даша даже подарки вымогал у Татищева. В одну из встреч вместо двух дорогих серебряных изделий, подаренных наместнику Татищевым, тот просил дать ему какую-нибудь дорогую, стоимостью в сто рублей саблю. Татищев таковой не имел, и наместник был крайне раздражен неподатливостью Татищева.

Сюжеты со взятками, очевидно, были подсказаны Дондук-Даше его постоянным сообщником в интригах [283] против Татищева — Таракановым. Что же касается крутости нрава Татищева, то известные основания у наместника были. Речь идет о настойчивом требовании Татищева соблюдать законы, к чему не испытывали особой приверженности ни калмыцкие владельцы, ни русские служилые люди и канцеляристы.

Произвол администрации и широкая практика решения вопросов с помощью взяток—дело для XVIII века обычное. Положение в Астраханском крае не составляло исключения. Оно лишь осложнялось тем, что спорные вопросы между калмыками, татарами и русскими необходимо было решать с учетом судебной практики каждого из этих народов. До приезда Татищева, с 1737 года должность такого судьи исполнял капитан Лев Шихматов. Астраханскому губернатору, естественно, дано было указание из Петербурга, чтобы суд осуществлялся без волокит и без поборов. Но Шихматов все дела вел только по мере того, как поступали всевозможные подношения, и решал он их обычно в пользу того, кто больше даст. Жалобами на Шихматова и его действия буквально заваливали царскую администрацию. Но лишь в 1740 году наконец из Петербурга было предписано рассмотреть эти жадобы. Никакого заключения, да и рассмотрения в итоге не было. Татищев получил дела в таком же состоянии, в каком они находились и за несколько лет до него. Зато жалобщики с назначением Татищева воодушевились. Все-таки, невзирая на происки многочисленных врагов Татищева, за ним прочно следовала репутация человека крутого, но справедливого и неподкупного. И действительно, он немедленно отстранил взяточника с поста судьи, и по предложению местных татар назначил таковым Владимира Копытовского.

Упорядочению судопроизводства Татищев вообще придавал большое значение. В данном же случае строгий правопорядок приобретал огромное политическое звучание, что Татищев не только понимал сам, но стремился внушить и своим подчиненным. Он, в частности, непосредственно следил за работой смесного (то есть совместного разных народов) суда, добиваясь, чтобы в нем обязательно участвовали представители всех заинтересованных сторон, в частности, так называемые бодокчеи — выборные судебные советники от калмыков и татар. Добиться этого, кстати, тоже было нелегко, так как коллегиальное решение дел, на котором опять-таки настаивал Татищев, было [284] непривычно и русской администрации, и еще больше калмыцким владельцам.

Дондук-Даша не слишком заботился о последовательности своих обвинений против Татищева. В одних случаях он жаловался на строгость наказания его людей, замешанных в

грабежах, убийствах и иных серьезных преступлениях, а в других, напротив, Татищеву вменялось в вину попустительство, если речь шла о врагах Дондук-Даши. Особенно наместника раздражало то, что Татищев не позволял ему собственноручно расправиться со своими недругами, число которых было весьма значительным даже и в ближайшем его окружении. Недовольство многих владельцев вызывало и то, что Татищев, организовав выкуп проданных в рабство калмыков, пытался часть средств, необходимых для выкупа, брать с продавцов живого товара. Впрочем, это не помешало Дондук-Даше позднее писать в Петербург, будто Татищев не хочет выкупать запрожденных в рабство.

Положение в смешанном суде при Татищеве резко изменилось. Сам он не без удовлетворения говорил об этом Дондук-Даше: «Вам известно, что до прибытия моего здесь в тюрьмах содержалось множество, из которых большая часть помирала, но при мне оно весьма умалилось, и только содержатся здесь в делании воровских денег и в смертном убийстве калмык с шесть человек, которые показывают, будто они в тех делах не точно винны, а винны другие калмыки, которые ныне живут в улусах, и о сыску их к вам было от меня писано, но и поныне неприсланы, и затем те калмыки здесь под караулом продолжают». Но Татищев понимал, что нельзя решать каждое частное дело в зависимости от отношения к обвиняемым со стороны только наместника или, напротив, только русских властей. Поэтому он настаивал на том, чтобы Дондук-Даша представил ему либо прежнее калмыцкое уложение, либо какие-то материалы, на основании которых сам Татищев смог бы создать новое уложение для калмыков. Наместник уклонился от выполнения этого требования, ссылаясь на то, что уложение утеряно в годы смуты. В то же время в письмах в Петербург он постоянно жалуется на то, что Татищев не знает местных обычаев и калмыцкого права.

Калмыцкая комиссия отняла у Татищева уйму сил и вконец расстроила здоровье. Когда правительство наконец решило создать комиссию для разбора тяжбы, [285] Татищев был уже настолько болен, что не мог подписывать бумаги отнявшейся правой рукой. Решение было найдено весьма своеобразное. Главных врагов Дондук-Даши арестовали. Некоторые из них были наказаны, о чем сказано выше. Сама Джана и ее сыновья были крещены в Петербурге. Все они получили села с русскими крепостными. Русское дворянство пополнилось новым кланом дворян Дондуковых. Татищев от комиссии был отстранен, на его место назначен генерал-майор П. Д. Еропкин, который, кстати, также никак не хотел принимать этой неблагодарной должности. Дондук-Даша стал полновластным хозяином калмыцких улусов. Позднее, уже при его сыне Убуше, это полновластие привело к очередной трагедии многострадального калмыцкого народа. В 1771 году Убуша поднял значительную часть калмыков и покочевал назад в Среднюю Азию, где большинство из них погибло от рук китайских феодалов.